

Ультиматум
БЫВШЕГО МУЖА

НАСЯ ОРЛОВА & ЮЛЯ ЩЕФФЕР

**Настя Орлова
Юля Шеффер
Ультиматум бывшего мужа**

<https://litres.ru/74187068>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я ушла от мужа с разбитым сердцем и уверенностью, что наши пути больше никогда не пересекутся. Но четыре года спустя вынуждена обратиться к нему за помощью. А он Получив надомной власть, он сделает все, чтобы отомстить.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	11
Глава 2	16
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	31
Глава 6	36
Глава 7	42
Глава 8	47
Глава 9	52
Глава 10	57
Глава 11	63
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Настя Орлова, Юля Шеффер

Ультиматум бывшего мужа

Пролог

Я слышу его шаги задолго до того, как он входит в палату. Не потому, что сердце замирает, уже нет. Я всегда могла по звуку шагов понять, в каком муж настроении. А сейчас ничего. Только пустота. Потому что слишком поздно.

Потому что он опоздал.

Дверь открывается, но я не поворачиваюсь. Лежу, вжавшись лбом в холодную подушку, потому что, если посмотрю на него, не выдержу. Я и так держусь из последних сил. Чтобы не кричать, не биться в истерику.

Покровский не заслуживает видеть мое лицо сейчас. Ни мои слезы, ни ссохшиеся губы, ни боль, которая навсегда теперь врезана в меня.

Он молчит, застыв у порога. Потом все же делает пару медленных, осторожных шагов, словно боится меня спугнуть или что-то испортить. Как будто еще осталось, что портить.

— Влада, — зовет тихо, почти шепотом. — Мне так

жаль...

Голос у него хриплый, будто он не спал. И от звука его голоса по коже разливается что-то ледяное. Я цепляюсь пальцами за край одеяла, вжимаясь в кровать. Потому что боюсь, что начну кричать.

Он подходит еще ближе, и я наконец поворачиваю голову. Роман выглядит... как будто сам пережил что-то страшное. Уставший. Сломанный. Волосы взъерошены, на лице синеватая щетина, под глазами тени.

— Я приехал, как только узнал... — говорит он и сразу замолкает, будто осознает, как глупо это звучит.

Как беспомощно.

Я молчу. Мне даже не нужно ничего говорить. И нет желания его видеть. Я снова отворачиваюсь.

Больно... Там, внизу. Там, где больше ничего нет.

— Мне жаль, — повторяет он. — Я должен был быть рядом с тобой. Должен...

Его голос дрожит. И я впервые вижу, как ему плохо. По-настоящему плохо. Он хочет подойти, хочет дотронуться. Но я сажусь и отстраняюсь, не глядя ему в глаза.

Он тянется к моему плечу, я вздрагиваю. Не от страха. От того, как остро все во мне сопротивляется.

— Не надо, — прошу тихо. — Не трогай.

Рома убирает руку. Его лицо резко меняется, как будто я ударила его. А мне и правда хочется ударить. За все. За вчера. За свое ожидание и свою боль.

Я была одна, вся в крови. Мне было страшно. Я так ждала его. Думала, он бросит все и приедет. Представляла, что он уже в пути. Мчится ко мне — к нам. Но нет... Он не приехал. Знал, как нужен мне, но не пришел.

Он выбрал отца и свой бизнес. А не нас с ребенком. Он выбрал не нас...

Внутри все выворачивается, болит. И обида, и любовь, и пустота — все перемешалось в один ком, который подступает к горлу и мешает дышать.

Молчание между нами с каждым вдохом становится тяжелее. Муж смотрит на меня. Словно пытается понять, что я думаю. А я думаю о том, что он все разрушил. Что, потеряв ребенка, я потеряла... нас.

— Ты выбрал, что для тебя важнее. И очень четко дал мне это понять, Ром. Я все поняла.

— Влада... Влада, я клянусь, если бы я мог, я бы...

— Если бы ты мог, Рома, — перебиваю его.

Слезы подступают, но я не даю им пролиться. Я не заплачу при нем. Никогда больше.

Он вновь приближается, хочет обнять и утешить, как будто можно утешить. Как будто у меня умер не сын, а... кошка.

— Мы переживем это, родная. Вместе, — он снова тянется ко мне. — Дай мне шанс все исправить.

И тут я ломаюсь.

— Исправить? — я смеюсь, коротко, хрипло. — Что ты хочешь исправить, Ром? Как можно исправить то, что я по-

теряла ребенка? Что я была одна и, сжимая телефон в руке, надеялась, что ты придешь? Что успеешь, что будешь рядом...

Он вздрагивает. Я вижу, что ему тоже больно. Но мне уже все равно.

— Может, ты был прав, когда не верил мне. Может, это действительно был не твой ребенок, — неожиданно вырывается у меня.

Я не знаю, как это произошло, я не собиралась говорить ему ничего подобного, и все же сказала. Наверное, в такие моменты мы все действуем на инстинктах — мой заключается в том, что я хочу сделать ему настолько больно, чтобы он ко мне больше не прикасался.

Рома поднимает голову. Его лицо искажается. Я вижу это, будто в замедленной съемке. И сама в ужасе от своих слов, но они уже прозвучали.

— Что? — спрашивает на выдохе.

Он не двигается, словно окаменел. И взгляд... Он не верит мне. Конечно, не верит. Но ему придется поверить.

— Это был не твой ребенок, — повторяю увереннее и громче.

Мне непросто лгать ему в лицо, но я заставляю себя повторить свою ложь — отступать некуда: я уже это сказала. Не знаю зачем. Просто хочу, чтобы ему было так же больно, как мне вчера.

И сегодня.

И будет больно завтра...

Он молчит. И я вижу, как он сжимает кулаки — до хруста. Как по скулам проходит судорога. Как чуть шевелятся ноздри. Он никогда не кричит. Никогда не повышает голоса ни на кого. Он давит молчанием и ледяной невозмутимостью. Но сейчас... сейчас мне удастся пробиться сквозь его непробиваемую броню.

— Не мой? — медленно и глухо переспрашивает он. Видно, как тяжело дается ему этот вопрос. — Значит, все-таки...

— Не твой, — резко обрываю его дальнейшую фразу.

Мои слова падают на подготовленную и удобренную его родителями, скандалами и подозрениями почву. Они прорастают так легко, что это даже удивительно. Чудеса природы. Чудеса человеческой психологии.

Покровский медленно отводит глаза, будто переваривает. Потом снова смотрит на меня, и я чувствую, как в нем вскипает ярость. И гнев, и что-то, что гораздо хуже — холод. Презрение. И я понимаю — то, что сейчас сорвется с его губ, я запомню на всю жизнь.

— Ну, значит, мои родители оказались умнее меня. Они тебя сразу раскусили, — он почти улыбается, уголок рта ядовито кривится. — Маленькая провинциальная дрянь, которая поставила себе целью выскочить замуж за Покровского. Надо признать — ты отлично изображала влюбленность, страстно желая получить доступ ко мне и к деньгам моей семьи.

— Мне не нужны ни ты, ни твоя семья, ни ваше паршивое богатство! — выпаливаю я резко — Роману все же удалось меня уязвить.

Но он не обращает внимания на мое возражение, продолжая свою уничижительную речь:

— Ты так вжилась в роль, что упрекала меня, что я слишком много работаю. Скучно тебе было, да? Мало внимания? Вот ты и развлеклась... — он смотрит на мой живот, прикрытый больничной рубашкой.

У меня в груди все сжимается. Словно он всадил мне лезвие между ребер. Я не могу даже вдохнуть.

— Да, развлеклась, — выдавливаю из себя и, поджав губы, встречаю его пренебрежительный взгляд.

— Как вовремя ты призналась. Хоть знать буду, что был женат на честной шлюхе. Это лучше, чем на лживой лицемерке.

Его слова ранят, но они не могут сделать мне больнее, чем он уже сделал.

Роман смотрит на меня долго, пронизывающе. Как будто ждет моей реакции.

Ждет, что я опровергну его слова. Засмеюсь и скажу, что разыграла его. Но я отворачиваюсь.

— Уходи, — прошу. — Пожалуйста, уходи.

Мой голос слаб, но он слышит меня, потому что вскоре раздаются удаляющиеся шаги.

Повернув голову, я смотрю на закрытую дверь и внутри

что-то обрывается.

Глава 1

— Ты с ума сошла? Ни за что!

Вскочив на ноги, я негодуяюще смотрю на лучшую подругу Катю, которая удобно расположилась на диване в крохотной квартирке, где я живу вместе с младшим братом последние два года.

Мой гневный взгляд Богданову не впечатляет, она даже не дергается. Лишь спокойно смотрит на меня снизу вверх.

— Не драматизируй, Влада! Ты сама сказала, что больше тебе деньги взять неоткуда, и бывший муж — твой единственный шанс.

— Про него я ничего не говорила, — возражаю я, чувствуя знакомое давящее ощущение в области сердца, возникающее всякий раз, когда я вспоминаю о бывшем супруге.

— Зато я говорю, — Катю ничуть не смущает мой упрек. — Это правда, признай. Или у тебя есть другие варианты?

Теперь уже она сверлит меня пронзительным взглядом, вынуждая отвернуться. Никаких вариантов у меня нет... У меня вообще ничего нет. Но обращаться к Покровскому?.. Я лучше умру, чем пойду просить деньги у человека, который бросил меня тогда, когда я так отчаянно в нем нуждалась...

Нет! Не хочу вспоминать.

— Вариант найдется, — говорю тихо, скорее, убеждая саму себя, чем Катю. — Обязательно найдется.

Но правда заключается в том, что я совсем в этом не уверена.

Мне нужна слишком большая сумма, и никто из знакомых не сможет одолжить мне ее. Да ни у кого таких денег просто нет! Тем более в такие сжатые сроки, которые обозначил врач Андрея. Он советовал обратиться в благотворительные фонды, но те, в большинстве своем, помогают детям. А моему брату три месяца назад исполнилось восемнадцать.

— У тебя нет ни времени, ни возможностей. Ты знаешь, сколько стоит такая реабилитация? Это сотни тысяч, Влада, которые нужны были еще вчера. У тебя они есть?

Обреченно качая головой и медленно опускаюсь обратно в кресло. Ноги словно ватные.

— Я не хочу быть жестокой, но я не вижу другого выхода, — подруга говорит твердо и бескомпромиссно, словно хочет проникнуть через броню, которая ограждает меня от любых мыслей о Покровском. — Тебе нужны деньги. А твоему брату — профессиональный уход. И срочно. Иначе он может никогда не встать с больничной койки.

Катя права по крайней мере в одном — Андрею жизненно необходима реабилитация. И я это знаю, но... Покровский?..

— Тебе придется наступить на горло собственной гордости и пойти к бывшему мужу, — напирает Катя. — В конце концов, четыре года назад ты ушла от него, не взяв ничего. Он должен тебе!

— Ты не понимаешь... Я не могу, — шепчу я, качая го-

ловой.

— Ради себя — нет. А ради Андрея? — чуть склонившись ко мне, подруга мастерски бьет в самое уязвимое место.

Отвернувшись, я стискиваю кулаки с такой силой, что на ладонях остаются полукруглые следы от ногтей, вонзившихся в кожу. Ничего не отвечаю — просто нет слов.

Катя права. Права тысячу раз, и все равно мне трудно пойти на то, что она называет моим единственным выходом.

Ради брата я готова на все. Готова идти и просить деньги у любого. Да, у кого угодно!

Кроме бывшего мужа.

— Ну чего ты ломаешься, Влада? Твои принципы тебе важнее родного брата? Я не понимаю! — Богданова даже не пытается скрыть раздражения. — Ты позволишь ему остаться инвалидом в восемнадцать лет?

— Я делаю все, что могу! — мой голос дрожит от эмоций.

— Нет, не все, — возражает она давяще. — Все — это когда ты идешь к тому, кто может помочь. А не сидишь и жалеешь себя.

Я опускаю голову, ощущая опустошение и беспомощность... В последний раз я была в таком состоянии почти три года назад, когда разбились родители, а рядом не было никого, на кого я могла бы опереться. Но тогда у меня был Андрей. Здоровый и немного потерянный подросток, ради которого я должна была быть сильной. И я была. Мы справились со всем. Но теперь... Теперь все куда хуже.

— С чего ты вообще взяла, что Покровский даст мне деньги? — спрашиваю я. — Ты знаешь, как ужасно мы расстались...

— Он даст, — отвечает Катя уверенно. — Вопрос лишь в том, что он потребует у тебя взамен...

С этой фразой Катя попадает точно в цель. Роман Покровский — не про благотворительность. Он циничный, холодный и безжалостный. Такой же, как и его отец, Покровский-старший — человек-машина, которому для сна достаточно пяти часов в сутки, и бизнесмен до мозга костей, который даже рубль не потратит без уверенности, что тот вернется к нему в двукратном размере. Свою компанию и деньги он ставит превыше всего, даже превыше человеческой жизни... Таким он воспитал и своего сына — человека, который стал моей первой любовью, первым мужчиной и мужем. Когда-то я считала, что наша любовь сильнее всего, но я жестоко ошиблась. Когда пришлось выбирать, Роман выбрал не меня — он выбрал своего отца и бизнес. Тогда и стало понятно, что наш брак обречен.

— Он потребует все... — шепчу я, ощущая как по спине ползет холодок дурного предчувствия. — Он не простит мне того, что я сказала ему в нашу последнюю встречу.

— Это было четыре года назад, Влада. Вы оба остыли. Постарайся выключить эмоции. Расскажи ему о том, что случилось с Андреем. Возможно, он уже обо всем забыл и просто даст тебе деньги.

С моих губ срывается нервный смешок.

— Ты не знаешь его так как я, Катя. Он никогда ничего не забывает. И ничего не делает просто так. Если я пойду к нему... — на мгновение мое горло перехватывает спазм, который мне с трудом удастся проглотить. — Он использует этот шанс, чтобы отомстить мне.

— Ты не можешь знать этого наверняка.

Действительно, не могу.

Но знаю.

Глава 2

Выхожу из квартиры, плотно прикрыв за собой дверь, и спускаюсь по лестнице, потому что лифт снова не работает. Он никогда не работает в этом доме. Стук каблуков эхом раздается в полутемном подъезде, в котором пахнет сыростью и вчерашней едой, и я автоматически задерживаю дыхание.

Катя ушла полчасика назад, но разговор с ней не отпускает. Все, что она сказала, прокручивается у меня в голове снова и снова, как запись, поставленная на повтор, всю дорогу, пока я иду до метро. Да и в вагоне тоже мысленно возвращаюсь к словам подружки, к ее аргументам и упрекам. Все они по делу, каждый ее довод — в точку, я знаю, поэтому и не возражала ей особо. Но и согласиться не могла.

Покровский...

Одно только имя обжигает, как пощечина.

Первые пару лет после нашего развода я училась тому, чтобы простить его и забыть. Училась жить без него. Оставить наш недолгий и оказавшийся несчастливым брак позади. И я научилась, правда. Иногда даже могу думать о бывшем муже без боли. Наверное...

Но идти к нему? Просить? Унижаться?

После того, как мы расстались?

Я даже не знаю, захочет ли он говорить со мной после всего, что сделал... Точнее, чего не сделал. И после всего, что

у сердцах наговорила ему я. Это... Нет, такое не забывается и не прощается.

И такое уж точно не простит Покровский. Скорее ад замерзнет, чем он забудет прошлое. И денег мне он, конечно, не даст, что бы там ни воображала себе Катя.

Не смогу я к нему пойти. Точка. Это бесполезно и глупо. Только подвергну себя унижению, но не добьюсь ничего...

В отделении травматологии пахнет лекарствами и мелом. Я поднимаюсь на второй этаж, в палату 202, открываю скрипучую дверь. Андрей лежит у окна. Палата общая, и он здесь не один. И хотя при взгляде на брата у меня сжимается сердце, я понимаю, что в палате он даже не самый пострадавший, хотя ему сильно досталось.

Неделю назад Андрей взял у приятеля мотоцикл, на котором на большой скорости влетел в отбойник. Мотоцикл не подлежит восстановлению, и его “друг” уже подал заявление в полицию, утверждая, что Андрей угнал транспорт. И это не самая большая из наших проблем, ведь мой брат рискует на всю жизнь остаться прикованным к инвалидной коляске, если я не найду деньги на дальнейшее лечение...

Перед глазами все еще стоит образ Кирилла Анатольевича, хирурга, который делал операцию и курировал лечение брата. И в голове звучит его сочувствующий, но неумолимый голос:

“К сожалению, мы больше ничем не сможем помочь. Ваш брат может остаться у нас еще на десять-двенадцать

дней, но потом нам придется его выписать. Вам нужно обратиться в частную клинику, где ему смогут обеспечить должный уход и реабилитацию”.

Проглотив возражения, я последовала совету врача и пошла в платную клинику с медицинской картой брата. Но счет, который они выставили за программу восстановления Андрея после аварии, поверг меня в шок.

Я испробовала все, но уже получила отказ от трех банков, которым отправила заявку на кредит. Что, конечно, неудивительно — с тех пор, как несколько лет назад родители погибли, я, оставшись с братом, из кожи вон лезла, чтобы наша маленькая, внезапно осиротевшая семья, достойно существовала. Год назад я взяла кредит, чтобы открыть небольшой салон флористики. Бизнес растет, но чистого дохода все равно едва хватает на обязательные платежи и скромную жизнь для нас с Андреем. И ни о каких досрочных погашениях и речи не идет. А значит и о дополнительных кредитных средствах тоже.

Не представляю, как скажу ему это. Что я не справилась...

Брат робко улыбается, когда видит меня, у меня же внутри все сжимается. Мне больно смотреть на него, обычно веселого и деятельного, а теперь прикованного к больничной койке.

— Привет, сестренка, — произносит преувеличенно бодро.

— Привет, — мну в пальцах ручки пакета-майки с йогур-

тами и яблоками, подходя ближе. — Как ты?

— Отлично, — отвечает, не моргнув. — Обещали завтра выписать.

— Как завтра?

— Говорят, на мне заживает, как на собаке. Чего место занимать?

— Шуточки у тебя... — выдыхаю я и силюсь улыбнуться.

Но это непросто. Я знаю — у него чудовищные боли по ночам. Знаю, что физиотерапевт предупреждает об угрозе контрактур. И что интенсивная реабилитация ему нужна еще вчера.

— А у тебя как? — спрашивает он. — Как сама, как студия?

— Все хорошо, — произношу машинально. — Даже лучше, чем обычно. Заказов много. Катя помогает. Привет тебе передавала.

Он кивает и больше ничего не спрашивает, предпочитая болтать о ерунде. Я тоже не заговариваю о важном. Но знаю: он хочет услышать хорошие новости. Отчаянно хочет знать, поднимется ли он. Сможет ли снова ходить.

А я не менее отчаянно хочу сказать ему "да". Хочу, чтобы он верил в это. Чтобы я сама верила!

Но для этого нужны деньги. Немыслимая сумма.

Я просила доктора не говорить брату о необходимости найти деньги, но начинаю подозревать, что он в курсе, хоть и не подает виду. И я понимаю почему — он боится. И мне

тоже страшно за него. Но я не могу... Не могу снова пойти к Роману, явиться через столько лет как просительница. Не после всего...

В голове звучит голос Кати:

"Ради себя — нет. А ради Андрея?"

Ради Андрея я готова на... многое. Он мой единственный родной человек. Стоя на могиле родителей, я обещала заботиться о нем и защищать его. И долгое время у меня все получалось...

И неужели теперь я отступлю? Сдамся, даже не попробовав? Не использовав этот шанс? Самый невозможный, но — и тут Катя совершенно права, — едва ли не единственный в моей ситуации.

Я остаюсь с братом еще на полчаса, но мы почти не говорим. В палате кто-то кряхтит, кто-то бормочет во сне. Пожилой мужчина на соседней койке снова зовет медсестру, забыв, что уже звал.

А, когда я, поцеловав Андрея, выхожу на остывающий вечерний воздух, ловлю себя на мысли, что почти решилась.

Решилась пойти на поклон к врагу.

Глава 3

Часы внутренней борьбы и противоречивых эмоций выливаются в единственно возможный итог — я беру в руки телефон. Пальцы дрожат и не желают слушаться, но я по памяти набираю комбинацию цифр, чтобы позвонить человеку, которого когда-то любила с той же силой, с которой теперь ненавижу.

Роман Покровский. Мой бывший муж. Человек, который забрал мою невинность, разрушил мечты и растоптал сердце. Я давно удалила из списка контактов его имя, но удалить из памяти номер или его хозяина оказалось не так просто...

— Слушаю.

Я оказываюсь совершенно не готова к тому, как быстро Покровский отвечает на мой звонок и какое оглушительное воздействие его глубокий голос оказывает на мои чувства. В моменте я буквально парализована и не могу выдавить из себя ни единого слова, а ведь прежде чем позвонить, я несколько раз прокрутила в голове возможный сценарий разговора.

— Говорите.

Покровский даже с неизвестным собеседником общается так, словно отдает приказы. *Слушаю. Говорите.* Что же будет дальше?

На каком-то интуитивном уровне я чувствую, что он начинает терять терпение. Еще секунда и он повесит трубку,

несмотря на то, что понимает — звонит кто-то знакомый. Этого номера нет в публичных базах, его знает только близкий круг контактов, к которым когда-то принадлежала и я... Когда-то. А теперь я просто не могу позволить себе злить его до того, как наш разговор начался. Слишком многое поставлено на карту.

— Это я... — я даже морщусь от того, как жалобно и тихо звучит мой голос. — Влада.

На одну долю секунды в трубке повисает тишина. Возможно, этим неожиданным звонком мне впервые в жизни удалось удивить Покровского.

— Чем обязан? — звучит в следующий миг отрывисто, но все еще нейтрально.

Он не повесил трубку. Не рассмеялся. Возможно, Катя права. Прошло слишком много времени, и теперь мы с ним можем общаться, не пытаясь выцарапать друг другу глаза и перегрызть глотки.

— Мне нужно поговорить с тобой, — произношу я. — Не по телефону. Это срочно.

— В восемь я буду в “Астории”, — отвечает Покровский спокойно, ничем не выказывая удивления моим внезапным появлением четыре года спустя. — Надеюсь, адрес ты помнишь.

К горлу подкатывает тошнота, а к глазам — непрошеные слезы. “Астория”. Когда-то это был наш любимый ресторан... И я бы предпочла встретиться в другом месте, но

очевидно, что не мне в данной ситуации устанавливать правила.

— Да. Я помню.

Возможно, он ждет, что я скажу еще что-то, потому что снова выдерживает паузу. Но я буквально размазана собственными эмоциями, чтобы вести эту вежливую беседу, которая вечером может перерасти в кровопролитие. Мое. Потому что он никогда не проигрывает.

На заднем плане слышатся голоса. А следом — отрывистый вздох Покровского прямо в трубку.

— У тебя все? — спрашивает он. — Мне сейчас некогда.

— Ммм... Да, — лепечу я, безуспешно пытаюсь взять себя в руки. — Это все.

— Я буду в “Астории” до восьми тридцати. Если ты опоздаешь — это будут твои проблемы, Влада. Надеюсь, я выражаюсь ясно.

После этих слов, в которых я отчетливо слышу предупреждение, он отключается. А я еще несколько минут по инерции прижимаю телефон к уху, растерянно глядя на старомодные настенные часы, которые отсчитывают мгновения до моей первой за четыре года встречи с бывшим мужем.

Время до вечера проходит как в тумане. Я стараюсь занять себя какими-то делами по работе и дому, но в итоге не могу сосредоточиться ни на одной задаче, что в моем положении — непозволительная роскошь. С тех пор как Андрей попал в

аварию, я почти не появлялась в салоне. И я точно знаю, что даже без оплаты счетов за реабилитацию брата, уже к следующей неделе финансовая дыра в бюджете будет ощущаться для меня фатально. Малый бизнес не терпит больничных и выходных...

На встречу с Покровским я собираюсь быстро. В каком-то неясном порыве я думала было вымыть голову и сделать сложную укладку, но быстро отмела эту мысль. Не имеет никакого значения то, как я выгляжу, потому что эта встреча — не свидание. У меня нет цели понравиться бывшему мужу или заставить его что-то почувствовать. Все равно, что он будет обо мне думать, если в конечном итоге даст то, что мне нужно — деньги на лечение брата.

Надев простые черные брюки и голубую рубашку свободного кроя, я собираю волосы в низкий хвост и надеваю черные балетки. Из косметики — только консилер, чтобы скрыть следы бессонных ночей, и немного туши на ресницы. Катя бы ужаснулась, если бы узнала, в каком виде я отправляюсь к Покровскому, но, к счастью, ее тут нет. А мне комфортнее оставаться собой, чем лезть из кожи вон, чтобы доказать что-то бывшему мужу. В игры в притворство я наигралась за несколько лет в браке с ним.

Без двух минут восемь я стою у “Астории”, ощущая себя так, словно стою на краю обрыва. Стараюсь абстрагироваться от воспоминаний, которые неизбежно воскрешает это роскошное место, но они бомбардируют меня, пронзая ост-

рыми осколками сердце и душу.

Я и Рома... Совсем в другой жизни. Когда я была беззаботной и верила в чудеса.

Сглотнув, я крепче стискиваю в ладони кожаный ремешок старенькой сумки, и делаю шаг вперед.

— Добрый вечер, — вежливо здоровается со мной администратор ресторана, но я вижу, каким оценивающим взглядом она сканирует мой скромный наряд. — Вы заказывали столик?

— Я... Нет, — отвечаю торопливо. — Меня ждут.

Она скептически склоняет голову, но провожает меня в зал, где мои глаза безошибочно находят фигуру Покровского, сидящего ко мне вполоборота за столиком у окна.

Сердце пропускает удар, чтобы перейти на ускоренный ритм. В животе появляется тягучая невесомость. К горлу подкатывает ком, который невозможно сглотнуть.

Я не видела его четыре года... Но этого времени оказалось недостаточно, чтобы я научилась реагировать на этого мужчину иначе чем с дикой смесью восхищения, поклонения и... ненависти.

О, это будет чертовски тяжелый вечер.

Глава 4

Пока я пытаюсь привести себя в чувство, мой бывший муж резко поднимает голову, пронзая меня серебристым взглядом, от которого меня обдаёт волной жара. И как джентльмен поднимается со своего места в знак приветствия.

— Ты пришла, — произносит Покровский с непонятной интонацией, которую можно истолковать и как равнодушие, и как удивление. Впрочем, скорее это равнодушие, потому что на его лице нет ни единой эмоции.

Не в состоянии ответить, я просто киваю, торопливо опускаясь на предложенный мне стул напротив него.

Официант услужливо подает мне папку меню, которую я с радостью хватаю, чтобы получить минимальную передышку. Я пришла сюда не есть и, честно говоря, я сильно сомневаюсь, что смогу проглотить хоть что-то, но сейчас это неважно. Время ужина. Я сегодня не ела. И я буду выглядеть просто глупо, если откажусь от всего и сразу перейду к делу...

Я вообще не уверена, что смогу перейти к этому самому делу, потому что здесь и сейчас я банально боюсь поднять глаза на бывшего, который, ничуть не смущаясь, разглядывает меня прищуренными глазами. Я физически ощущаю на себе его взгляд. Он свинцовой тяжестью опускается на плечи. Огнем опаляет кожу. Каленым железом ставит отметины

на каждом участке тела, которого касается.

Какой наивной я была, когда думала, что у меня хватит смелости просить у него деньги...

— Я буду греческий салат и воду, — произношу тихо.

— У тебя диета? — отзывается Покровский, как мне кажется, слегка раздраженно.

— Нет, — я поднимаю голову, впервые прямо встречая его взгляд.

— Тогда не пойму, откуда такая скромность в выборе блюд. Раньше тебе нравилась рыба. Уверяю, здесь не разучились ее готовить.

— Я не хочу есть.

— А стоило бы поесть, — отрезает бывший муж. — Выглядишь ты как тень.

Да уж, спасибо за комплимент.

Но я молчу, потому что знаю, что он прав. С того момента, как Андрей попал в аварию, я перестала нормально питаться. Я даже не вспомню, когда у меня был полноценный обед — все это время я просто перехватывала что-то на ходу.

Невзирая на мой возмущенный взгляд, Покровский добавляет к моему заказу рыбу на гриле. Ту самую, которую я когда-то обожала здесь есть. Это самоуправство и раздражающая попытка мной управлять, но я проглатываю все, потому что впервые за долгое время испытываю на себе забытое ощущение заботы со стороны другого человека. С тех пор как не стало мамы и папы, я привыкла заботиться об Андрее

и забыла какво это — когда заботятся обо мне...

Словно не было этих четырех лет, словно я снова втянута в орбиту Покровского.

— Вина? — спрашивает он, беря в руки бутылку, которая уже стояла на столе, когда я пришла.

Наверное, мне стоило бы отказаться. По многим причинам. Но алкоголь обычно придает мне смелости, а она мне сейчас ох как сильно нужна.

— Да, спасибо.

Я наблюдаю как Роман наливает в бокал красное вино и подталкивает его ко мне. Потом опускает бутылку обратно и наливает в свой стакан воду.

— Ты не будешь?

— Я за рулем.

— А еда? Ты ведь ничего не заказал, — говорю с подозрением.

— У меня был деловой ужин до того, как ты пришла. Я уже поел. Впрочем, если бы я знал наверняка, что ты не струсишь в последний миг и действительно придешь, я возможно оставил бы место для десерта.

Я делаю небольшой глоток, ощущая пряную терпкость на языке. Я не знаток вин, но чувствую, что это — очень хорошее и очень дорогое. Впрочем, ожидать от Покровского чего-то другого и не следовало.

— Спасибо, что согласился встретиться, — выдавливаю из себя и замолкаю. — Я понимаю, что ты не обязан был это

делать.

— Ты моя бывшая жена, — он выразительно приподнимает бровь. — Мне любопытно, почему вдруг тебе понадобилась аудиенция спустя четыре года абсолютного молчания.

— Это сложно объяснить.

— Вряд ли сложнее того, что ты уже сделала, — иронизирует он. — Уверен, позвонить мне было последним из того, что ты хотела.

— Так и есть! — огрызаюсь я, раздосадованная его самоуверенностью. — Я бы скорее умерла, чем позвонила бы тебе, но...

Я замолкаю, не в силах признаться, что пришла сюда из-за денег. Когда-то я в сердцах кричала ему, что мне не нужен ни он сам, ни его богатство. Представляю, с каким удовлетворением он услышит от меня мольбу о финансовой помощи.

— Но? — напирает Покровский.

— Обстоятельства сильнее меня.

— И какие же это обстоятельства?...

Мне приходится выдержать паузу, потому что официант приносит мой салат. Я беру вилку, накалываю на нее кусочек огурца, но не ем. Признание висит надо мной грозовой тучей, не позволяя насладиться ужином. Зато я делаю еще один глоток вина.

— Мой брат Андрей попал в серьезную аварию, — выпаливаю я, потому что чувствую, что оттягивание момента истины ничего не решит. — У меня нет денег на его лечение,

а без него он с большой вероятностью останется инвалидом в восемнадцать лет. А еще на него подали в суд. Поэтому я пришла... Я ничего не взяла у тебя при разводе и не просила все четыре года. Но сейчас я в безвыходной ситуации. Кроме тебя, мне не к кому пойти.

Покровский выслушивает мою сбивчивую тираду, не сводя с меня изучающих глаз, а когда я замолкаю, пьет воду. Словно не понимая, как мучительно для меня ожидание его ответа. Или, наоборот — понимая это слишком хорошо...

Молчание затягивается.

Я чувствую, как вся напрягаюсь, как расправляются плечи и прогибается спина — словно что-то или кто-то сзади тянет меня за лопатки. Похолодевшие пальцы сжимаются на вилке с такой силой, что будь она из менее прочного материала, обязательно бы погнулась. Я цепляюсь за нее так, будто от этого жалкого блестящего куска металла зависит моя жизнь.

Моя — нет, а вот жизнь Андрея, действительно, зависит.

Время тянется вязко, как патока, а я все жду приговора. Молюсь, чтобы Покровский вынес его поскорее, и одновременно отчаянно боюсь, что ответом будет категоричное, лишающее надежды "нет".

Глава 5

Липкий страх прилипает к коже, ползет под ребра и поднимается к горлу, затрудняя дыхание. А сердце колотится так громко, что я боюсь — его слышу уже не только я, а половина ресторана.

Неизменно непроницаемое лицо Покровского не позволяет угадать его мысли, ни взглядом, ни движением не выдает того, что услышанное хоть как-то его зацепило. Я почти не сомневаюсь, что его ответом будет отказ, я лишь гадаю, в какой форме Покровский его подаст — в насмешливо-ироничной или обронит в привычной для него презрительно-холодной манере "это не моя проблема".

Ожидание и неизвестность невыносимы. Хочется, чтобы все поскорее закончилось. Любая реакция. Любой ответ. Лишь бы не это молчаливое равнодушие, за которым может скрываться все, что угодно.

В отличие от меня, нетерпеливо ерзающей на стуле, бывший муж никуда не торопится. Он нарочито медленно ставит бокал с водой обратно на стол и только потом, наконец, поднимает на меня глаза.

Смотрит долго, пристально, пронзительно. Словно раздевает до костей. Словно хочет довести меня до ручки.

— Сколько тебе нужно? — спрашивает спокойно.

Даже буднично. Как если бы я пришла просить у него де-

нег на новое платье или шубку.

Я честно называю сумму, озвученную в частной клинике, одновременно сгорая со стыда и испытывая робкую надежду, что он пойдет мне навстречу.

— Это большие деньги.

— Для меня — огромные. Для тебя, полагаю, не настолько, — отражаю я воинственно.

Я всегда завожусь, когда он разговаривает со мной таким тоном — спокойным и рассудительным, словно с маленьким ребенком.

Уголки губ Покровского чуть-чуть приподнимаются, признавая мою правоту. Для него эта сумма — на неделю бытовых расходов, не более. Для меня же — годы работы и экономия на всем.

— Ты знаешь меня, Влада. Я бизнесмен. И я не раздаю деньги направо и налево... — он делает выразительную паузу, от которой мое сердце сжимается в предчувствии чего-то нехорошего. — Без уверенности, что я получу что-то взамен.

О, вот мы и подошли к самому главному! Торг. Бизнес. Я была права, а Катя ошибалась. Покровский не даст мне ничего, потому что мне нечего ему предложить. Не думаю, что он позарится на нашу с Андреем крошечную квартиру.

— Мне нечего тебе дать, — говорю прямо. — У меня есть небольшая цветочная студия, но вряд ли тебя заинтересует подобный малоприбыльный бизнес. Еще есть квартира, но...

Бывший муж задумчиво трет подбородок, разглядывая

меня с нечитаемым выражением на лице.

— Меня не интересует ни твой бизнес, ни квартира. Но думаю, тебе надо поесть прежде, чем мы продолжим, — говорит внезапно.

— Продолжим что? Ты хочешь откормить меня, как бедного гуся, которого потом убьешь, чтобы забрать его печень?

— Я не поклонник фуа-гра, — впервые за вечер Покровский улыбается почти естественно.

— Зато ты поклонник изощренного вида пыток.

— Не думаю, что в твоём случае салат и рыба — это пытка.

Я хмурюсь, не понимая, куда ведет нас эта словесная игра. Он что, хочет, чтобы я его умоляла? Я ведь уже сказала все предельно откровенно. Больше мне добавить нечего...

— Ешь, — отрезает Покровский таким тоном, который раньше означал то, что разговор окончен.

И я послушно беру вилку, чтобы съесть свой злополучный салат, хотя больше всего мне хочется засадить эту вилку не в тарелку, а в глаз этому несносному человеку.

Стоит мне закончить с салатом, на столе появляется рыба. И хотя я зла, расстроена и крайне взвинчена, при взгляде на красиво сервированное блюдо у меня начинают течь слюнки. Недели ограничения в еде дали о себе знать в самое неподходящее время!

Отправляя кусочек рыбы в рот, я замечаю, как пристально смотрит на меня Покровский.

— Что? У меня салат застрял в зубах или еще что? — бросаю с сарказмом.

— Похвальный аппетит для той, кто не хотел есть, — парирует он.

— Аппетит приходит во время еды. Знаешь такую поговорку?

Он сумрачно усмехается и склоняет голову набок в присущей ему манере, которая когда-то казалась мне крайне привлекательной, а теперь лишь усиливает мое раздражение.

— О, поверь мне, я прекрасно это знаю, — на этот раз его голос звучит ниже, чем обычно. И в нем появляются хрипловатые нотки, от которых вдоль моего позвоночника змейкой бежит тепло.

Внезапно потеряв всю воинственность, я опускаю глаза в тарелку и молча доедаю рыбу, запивая ее вином. И ощущаю, как тепло распространяется теперь уже по всему моему телу.

— Я закончила, — говорю я. — И готова продолжать разговор.

— Уверена? — спрашивает он с мрачной полуулыбкой.

— Мне, в принципе, нечего терять.

— Из тех, кому нечего терять, получают самые отважные противники.

— Я не собираюсь быть тебе противником. Мы в разных весовых категориях. Я пришла не сражаться, — сразу отмечаю я его теорию.

— Но ты уверена, что тебе нечего мне предложить?

— Ты говоришь загадками, тогда как я сказала все как есть, — цежу я, начиная заводиться.

— Я, кстати, это отметил. Похвальная честность. Видимо, ты развила ее за те годы, что мы не виделись. Ведь когда мы были в браке, ты делала все, чтобы избежать правды.

— Я здесь не для того, чтобы обсуждать наш неудавшийся брак, — огрызаюсь я, как если бы Покровский наступил на больную мозоль. — Я хочу...

— Ты хочешь получить деньги, — подсказывает он.

— Именно.

— А я хочу получить тебя.

Глава 6

Наверное, это похоже на афтершок, как бывает, когда рядом взрывается граната и в ушах начинает звенеть от оглушающей тишины. Потому что слова Покровского воздействуют на меня именно так — тишина между нами становится оглушающей.

Я уверена, что ослышалась. Нет, черт возьми, я могу поклясться, что ослышалась. Потому что ни один человек в здравом уме, даже такой расчетливый как Покровский, ни за что не произнес бы подобной ерунды.

Я хочу получить тебя.

Что вообще это может означать?

— Прости, не поняла, — шепчу я, в смятении глядя на него.

— Ты поняла правильно. Я дам тебе деньги, мы вылечим твоего брата, — бывший муж непринужденно откидывается на спинку стула, не сводя с меня глаз. — И с заявлением, которое на него написали, мы все решим до суда.

— Но?

— Но взамен я получу тебя, — говорит бескомпромиссно, не оставляя ни малейшего шанса на то, что я как-то неправильно пойму его.

— Я не вещь, которую можно получить, — шепчу задумшено, впиваясь пальцами в бокал вина с такой силой, что

удивительно, как это он не лопается.

— Как и я не меценат.

— И что это значит?

— Ты вернёшься ко мне. Как моя жена.

— Ты сошел с ума! — я вскакиваю на ноги, не желая находиться рядом с ним ни минуты. На глазах закипают слезы, сердце как бешеное стучит в клетку ребер.

— Возможно, — произносит Покровский, стальными пальцами обвивая мое запястье, удерживая на месте. — Сядь.

— Я не хочу сидеть! — шиплю я, пытаюсь выдернуть руку и одновременно умирая от желания выцарапать ему глаза.

— Хочешь устроить сцену? — говорит с непоколебимым спокойствием. — Вряд ли это поможет твоему брату. Если ситуация действительно настолько критическая, что ты смогла переступить через свою непомерную гордыню и обратиться ко мне, рекомендую тебе сесть.

Его слова действуют на меня отрезвляюще. Ноги становятся ватными. Я обессиленно опускаюсь на стул, но в душе продолжает бушевать ураган. В противовес спокойствию бывшего мужа я сейчас нахожусь на грани истерики. Потому что... Что он такое сказал?

Вернуться как его жена? Он хоть понимает, как жестоко звучат эти слова по отношению ко мне?

— Я хочу, чтобы ты успокоилась и трезво взглянула на вещи, — Покровский, наконец, выпускает из стальной хват-

ки мое запястье и наливает в мой стакан воду. — У тебя есть реальный шанс помочь брату.

— Уничтожив себя?

— Ты драматизируешь, Влада.

— Я драматизирую? — задыхаюсь я от негодования. — Ты просто... Ты... Ты... Ты...

— Я просто возвращаю тебя туда, где твое место. Рядом со мной.

— Но я не хочу тебя! Я прекрасно живу без тебя! Ты мне не нужен!

— Ты *прекрасно* живешь? — уточняет Покровский скептически, вызывая у меня неконтролируемый приступ броситься на него и придушить.

— Да, у меня все прекрасно и...

— Ты хорошо меня знаешь, чтобы понимать, что я подготовился к нашей встрече, — перебивает меня бывший муж. — На ладан дышащий бизнес, который позволяет тебе не жить, а выживать. Неуправляемый брат, которому грозит уголовка и пожизненная инвалидность. Полное отсутствие личной жизни. Не сказал бы, что у тебя все прекрасно.

Мысль о том, что он собрал на меня досье, вызывает тошноту. Но особенно ранит то, что он знает, какую уединенную жизнь я вела после расставания с ним. Ни одного стоящего свидания за четыре года... Ничего, что помогло бы мне вновь почувствовать себя женщиной. Ничего, что можно было бы швырнуть ему в лицо.

— И что же ты предлагаешь? По взмаху волшебной палочки решить все мои проблемы за возможность приобрести меня в собственность? — говорю язвительно.

— Ты снова станешь моей женой.

— Собственностью, — возражаю я. — До которой у тебя доходят руки, когда ты не занят своим драгоценным бизнесом!

— Это пожелание, чтобы мои руки доходили до тебя чаще? — невозмутимо уточняет он, доводя меня до белого каления.

— Я ни за что не выйду за тебя замуж, — чеканю я, ненавидя его в этот момент так сильно, что, не задумываясь, пристрелила бы.

— Тогда вставай и иди! — он делает выразительный жест, как бы показывая, что больше задерживать меня не станет. — И скажи своему брату, что он больше никогда не будет ходить.

— Это шантаж! Безжалостный, расчетливый...

— Это жизнь, Влада. Она заставляет нас играть теми картами, которые нам выпадают.

— То, что ты предлагаешь... Я не понимаю... — шепчу я, впервые по-настоящему задумываясь о сути его предложения. И о том, зачем это все ему. — Зачем?

— Тебе не обязательно все понимать. Иногда нужно просто делать то, что тебе говорят, — произносит он жестко.

— Я тебя ненавижу! — вылетает у меня до того, как я

успеваю удержать этот порывистый вскрик при себе.

— Это пройдет.

— Это никогда не пройдет!

— Значит, тебе придется смириться.

— И как ты себе все это представляешь?

— Очень просто, — Покровский демонстративно отпивает воду из своего стакана. — Ты возвращаешься к себе домой, собираешь свои вещи и переезжаешь ко мне. Я в это время переведу твоего брата в частную клинику и найду лучших докторов. Мы поженимся, как только я это организую.

— Зачем тебе это? Зачем тебе... я? — спрашиваю растерянно. — Я не думаю, что у тебя имеется недостаток в женском внимании.

— Недостатка действительно нет. Но ты — совсем другое дело.

— Почему?

— Потому что никто не уходит от меня так, как ушла ты. Потому что за свои поступки всем нам рано или поздно приходится платить, — жесткость его тона прямо контрастирует с невозмутимым выражением на его лице. На Покровском словно маска, которая не позволяет увидеть ни капли его настоящего.

— То есть, это месть? — заключаю я.

— Считай так, как тебе угодно. Но делай то, что я говорю.

— Если на то пошло, я могу переспать с тобой, — внутренне я содрогаюсь от такой перспективы, но стараюсь дер-

жать лицо, чтобы не показать ему, насколько деморализована. — Для этого мне не обязательно быть твоей женой.

Он улыбается. Но от его улыбки веет ледяным холодом.

— Ты будешь всем. Моей любовницей. Моей женой, — он делает демонстративную паузу перед финальным выстрелом. — И матерью моих детей.

Глава 7

Любовницей. Женой. Матерью детей.

С упорством мазохиста я прокручиваю в голове слова Покровского снова и снова, признавая, что даже если бы он захотел, он не смог бы придумать более разрушительной комбинации требований. Невозможных требований. Издательских. Жестоких. Пропитанных мстостью и застарелой болью.

Чтобы чем-то занять руки, я механически перебираю постиранные вещи и складываю их в шкаф. К сожалению, так же легко занять голову не выходит. Хотя я многое отдала бы сейчас за возможность не думать, не вспоминать, не испытывать тупой боли и оглушающей жажды вонзить в сердце Романа Покровского клинок и повернуть его там, так же как он сделал это со мной за ужином. Ужином, превратившимся в фарс и торжество его мести.

«Твое молчание я воспринимаю как согласие», — сказал он мне на прощание после того, как отвез домой. А я была настолько выбита из колеи всем произошедшим, что так и не смогла вымолвить ни слова против. И даже не спросила, откуда у него мой домашний адрес. Впрочем, разве нужно было спрашивать? Он сам сказал, что перед встречей собрал на меня досье. Такие как Покровский никогда не приходят на поле боя неподготовленными. И сегодня он просто дока-

зал это в очередной раз, разбив меня в пух и прах.

На эмоциях с силой толкаю дверцу шкафа — резкий хлопок вспарывает тишину комнаты, но даже он не помогает сбросить то нарастающее ощущение паники, которое подступает с каждой минутой.

Покровский все рассчитал. Все предугадал и продумал. Он оставил мне видимость выбора, зная, что выбора нет. Что я загнана в угол и даже дернуться не посмею, ведь это я пришла к нему просить о помощи — я, а не кто-то другой. И не он сам полез ко мне со своим "непристойным" предложением — я дала ему в руки эту карту, которую он блестяще разыграл.

"Я ни за что не выйду за тебя замуж", — бросила я ему в лицо, но это оказалось не худшим из его условий.

"Ты будешь всем: моей любовницей, женой и матерью моих детей".

Зачем ему это, ну зачем?!

Если он хотел меня наказать, достаточно было бы и требования жить с ним под одной крышей. Одно это уже достаточно мучительно и жестоко. Но ему этого мало, он хочет отыгаться на мне по полной и снова подчинить меня себе. Снова сделать своей женой и игрушкой — еще более безвольной и бесправной, чем раньше.

Но каким бы безумным ни казался мне этот пункт его перечня условий, я бы могла пойти на это. Могла согласиться стать его женой. Расписаться с ним снова — всего лишь

формальность. Печать в паспорте ничего не решает. Я ведь уже была его женой, и мир от этого не рухнул. Не рухнет и в этот раз.

Но... секс с ним?..

Я зажимаюсь и сжимаю зубы, будто само это слово способно обжечь. Секс с бывшим мужем! С человеком, которому когда-то я доверила всю себя целиком — каждую клетку, каждый нерв, каждый рваный вдох и приглушенный стон. И который — я верила, — став моим первым, останется и единственным. Но все рухнуло. И моя вера в него — в нас, — и наш брак.

А теперь он предлагает мне снова делить с ним постель?!

Снова довериться, забыв обо всем? Ведь для меня секс — это не просто про физический акт, а про близость и доверие.

Как можно спать с тем, кого больше не любишь? Кто стал чужим. Далеким.

Не твоим...

Как это возможно?

Как Роман может думать так обо мне, зная, что у меня до него никого никогда не было?! Хотя, конечно, он не знает, что не было никого и после него...

И хорошо, что не знает. Чтобы не принял это за мою слабость. Не решил самовлюбленно, что все это время я только его и ждала. Как вещь, которую отложили в сторону, а потом вспомнили. Захотели. Протянули руку...

Но и это не самое страшное. Даже секс с бывшим можно

пережить, ради Андрея можно. Наверное...

Но родить Покровскому?.. Вновь забеременеть от него?

После того, что было?!

Это за гранью. На это невозможно согласиться!

Я зажмуриваюсь и опускаюсь на край кровати, сжимая колени, как будто пытаюсь не дать себе рассыпаться на осколки, распасться на атомы.

Дети — это серьезно и больно. Я знаю, ведь я уже потеряла одного. И эта рана — она никогда не заживет, этот шрам никогда не затянется. Он всегда со мной, стоит задеть — и снова пойдет кровь.

Нет. Я не смогу.

Не смогу снова пойти на это. Не с этим человеком. Не после всего, чем это закончилось в прошлый раз.

Ни за что. И никогда.

Даже если бы я могла вынести брак, даже если б смогла снова делить с ним постель — я не смогу делить с ним ребенка.

Покровский не понимает, что он просит у меня невозможного.

Или понимает?

Может, именно этого он и добивается — чтобы я сама сказала "нет"? Получится ведь, что он был согласен помочь, а я отказалась.

Он хочет власти надо мной. И жизнь брата сейчас зависит от того, соглашусь ли я дать ему эту власть...

Шумная вибрация телефона на тумбочке заставляет меня вздрогнуть. Сжимая в руке футболку, которую не успела положить на полку, бросаю взгляд на экран. С чувством облегчения понимаю, что звонит брат. Потому что я просто не знаю, что бы я делала, если бы входящий был от бывшего мужа. Возможно, просто вышла бы в окно.

— Привет! — отвечаю я преувеличенно бодро. — Как дела?

— Влада, что происходит? — звучит его взволнованный голос. — Меня переводят в другую больницу?!

Глава 8

— Влада, что происходит? — спрашивает Андрей взволнованно, минуя приветствия. — Меня переводят в другую больницу? Утром у меня был новый врач. А сейчас за мной пришли два медбрата. Это правда? Я... Меня будут лечить в частной клинике?

Я жмурюсь от пугающего ощущения безысходности, к которому примешивается облегчение. Суток не прошло с нашего разговора, а Покровский уже взял все в свои руки. И я знала, что так будет. Просто трусила признаться в этом самой себе. И брату. И Кате, которая со вчерашнего вечера буквально оборвала мне телефон, не получив в ответ даже сообщения.

Я просто надеялась, что у меня еще есть немного времени, чтобы найти выход. Так глупо. Разве Покровский, решив что-то в своей голове, когда-то давал мне время?

— Влада? Что происходит? — пауза с моей стороны затягивается, так что теперь в голосе брата звучит тревога.

Что происходит? Действительно, Влада, что, черт возьми, происходит? И как ты собираешься выпутываться из этого?

— Андрюш, я перезвоню тебе через десять минут. Сейчас только... Я поговорю с Кириллом Анатольевичем, ладно?

— Он здесь, — отвечает брат. — В моей палате.

— О. Хорошо. Тогда... Тогда дай ему, пожалуйста, трубку.

Прижав телефон к уху плечом, я механически вытираю вспотевшие ладони о многострадальную футболку.

— Слушаю, — раздается в динамике строгий голос лечащего врача моего брата.

— Кирилл Анатольевич, добрый день!

— Добрый, Влада. Действительно добрый, — произносит мужчина. — Подождите пару секунд, я выйду за дверь.

— Да, конечно... — шепчу я, понимая, что он не хочет, чтобы наш разговор слышали другие пациенты и особенно Андрей.

В трубке слышатся звуки шагов, потом — глухой стук двери.

— Ну что ж, — Кирилл Анатольевич прочищает горло. — Все формальности с выпиской вашего брата уже улажены. И я, признаться, очень рад, что вам удалось так оперативно решить вопрос с частной клиникой. После нашего последнего разговора я очень переживал за своего пациента и его перспективы, понимая, что ресурсы бесплатной медицины для его выздоровления мы практически исчерпали. Но теперь вы можете не сомневаться — в «ОртоМед» вашего брата поставят на ноги. Они запросили у нас полный эпикриз. Я все утро занимался документацией. Проблем быть не должно. Насколько я понял, курировать реабилитацию вашего брата будет главврач Горовой. Это, поверьте, дорогого стоит.

— Вы даже не представляете насколько... — вырывается у меня болезненный смешок.

— Прошу прощения?

— Да нет... Это вы меня простите. Это просто нервы, — шепчу я, кусая губы.

— Вам больше не стоит нервничать, Влада. Надо подумать и о себе тоже. Для брата вы уже сделали лучшее из того, что могли. Ему предстоит долгая и дорогая реабилитация, но сейчас многое будет зависеть от его желания.

— Вы... Вы уверены, что нет ничего, что еще можно сделать под вашим надзором? — спрашиваю тихо, понимая, что это бессмысленный вопрос. Бессмысленный и безнадежный. На который я заранее знаю ответ, иначе я бы просто не оказалась в таком положении.

— Сейчас важно, чтобы с вашим братом работали узкие специалисты, Влада. Таких в нашей больнице просто нет. Вы же знаете, что в «ОртоМед» люди приезжают со всей страны и даже из-за рубежа, потому что они в буквальном смысле ставят на ноги безнадежных пациентов.

— Понятно... — во рту появляется металлический привкус крови от прокушенной губы. — Что ж, спасибо вам за все, Кирилл Анатольевич.

Завершив разговор, я бросаю телефон на тумбочку и опускаюсь на край кровати, пряча лицо в ладонях. К горлу подкатывает ком, но слез нет — только жжет глаза, как будто в них попал едкий дым. Столь же едкий, как власть Покров-

ского, которую он прекрасно продемонстрировал мне сегодня. Одно его слово — и у Андрея есть лучший врач, лучший уход и передовая медицина, способная поднять его на ноги. Но самое главное — надежда, которую я явственно расслышала в голосе брата этим утром. Надежда, которую он почти потерял, хоть и старался держаться и не показывать мне своих страхов. Разве я могу отнять ее у него теперь, когда он почувствовал ее пьянящий вкус?..

«Я заеду за тобой в пять».

Короткое сообщение падает на телефон с номера, которого нет в моей записной книжке. С того самого, который навечно выжжен в моей памяти кровью и болью.

Это так на *него* похоже.

Без приветствия, без сантиментов — сразу к делу. И как идеально выбрано время — сразу после разговора с братом и врачом, когда я максимально уязвима. Покровский как хищник, который мастерски загоняет жертву в угол, чувствуя ее страх и растерянность.

«Влада, что мне делать? Они говорят, что у них распоряжение, чтобы я уезжал с ними».

Почти сразу же приходит новое сообщение — на этот раз от Андрея. С минуту я тупо смотрю на экран, пытаюсь понять, что со всем этим делать мне. Потому что вот он — момент невозврата во всем этом безумии с Покровским. «Да» или «нет». Другого не дано. И как бы мучительно ни было это решение, его нужно принять. Сейчас.

«Поезжай с медбратьями. И ни о чем не волнуйся. Я навещу тебя вечером».

Вечером. Как только продам свое тело и душу дьяволу, который во второй раз, если я не буду осторожна, окончательно меня уничтожит.

С этой безрадостной мыслью и бешено колотящимся сердцем я открываю второй диалог и пишу короткое, но такое емкое:

«Я буду готова».

Глава 9

Машину Покровского я узнаю сразу. Это припаркованный вдоль дороги черный BMW, который в нашем скромном дворе кажется инородным предметом. И я сама, усаживаясь на пассажирское сидение рядом с ним, ощущаю себя инородным предметом.

Кожаные сидения, стильная мультимедийная панель, тонкий аромат дорогого одеколона и в центре всего — мой бывший муж, одетый в белую рубашку-поло и синие джинсы, но даже в этой повседневной одежде он распространяет вокруг себя ауру власти и богатства. Это невозможно сыграть — он всегда был таким, просто раньше я ко всему относилась проще. И верила, что настоящая любовь сносит все преграды, особенно классовые.

Когда-то я назвала предрассудком понятие «неравный брак» и никогда не считала Романа выше меня только потому, что у его семьи были деньги, а у моей — нет, но жизнь преподала мне хороший урок. Теперь я точно знаю, что деньги решают почти все. Они же заставляют людей совершать поступки, на которые они, казалось, были не способны.

Сердце предательски ухает вниз и начинает биться в районе желудка, когда наши с Покровским глаза встречаются. Он смотрит на меня прямо, почти с вызовом. Будто ждёт, что я начну барахтаться, а он силой воли подавит любое мое

сопротивление. Но правда заключается в том, что в какой-то момент этих безумных недель у меня не осталось сил даже на видимость сопротивления.

— Привет, — выдавливаю из себя задушено, потому что не понимаю, что еще сказать.

— Здравствуй, — отвечает Роман спокойно. — Пристегнись.

И все.

Машина трогается. Он не говорит, куда мы едем, а те крупицы гордости, что еще остались у меня, не позволяют мне спрашивать. Поэтому я просто смотрю невидящим взглядом на проносящиеся за окном BMW улицы, сцепив пальцы и нервно покусывая губы. Почти благодарная Покровскому за то, что минут через пять он включает музыку, которая приглушает болезненную тишину.

Вот так вот все теперь будет в моей жизни?

Я как послушная овечка буду идти, сидеть, есть тогда, когда мне велят? Буду молчать, как будто бы это и есть норма? Буду умирать от тоски, но всеми силами держать лицо?..

А что если он захочет переспать со мной сегодня? Что я буду делать? Что я, черт возьми, буду делать?!

Провалившись в котел безрадостных мыслей, я не осознаю, что путь, который за полчаса преодолевает машина Покровского, мне интуитивно знаком. Понимаю это только тогда, когда она притормаживает у указателя, прежде чем свернуть с автострады на асфальтированную подъездную до-

рогу к большому кирпичному зданию среди высоких сосен и елей.

Я резко оборачиваюсь, чтобы взглянуть в непроницаемое лицо бывшего мужа.

— Ты... — я почти задыхаюсь от того, как тесно становится в груди. — Ты привез меня к брату?

— Разве ты не хочешь своими глазами увидеть, где он находится и кто его будет лечить?

Во мне бушует такой ураган эмоций, а мысли проносятся в голове с такой скоростью, что речь просто не поспевает. Я отчаянно киваю, как будто если не сделаю этого, Покровский передумает и увезет меня отсюда. И лишь бормочу:

— Спасибо.

«ОртоМед» в этот раз производит на меня еще более сильное впечатление, чем в первый, когда я приезжала сюда с документами брата всего неделю назад. Возможно, потому, что за моей спиной теперь стоит Покровский, а к нему здесь, очевидно, особое отношение.

Ему буквально заглядывает в рот симпатичная администратор, с ним почтительно здороваются врачи, а директор клиники встречает его как лучшего друга. И самое поразительное — «эффект Покровского» распространяется и на меня. Когда я была одна и рассказывала о ситуации брата этим людям, на меня смотрели со снисхождением и даже жалостью, зато теперь общаются так, словно я для них самая важная персона. Рассказывают о плане лечения и анализах,

об экспериментальной методике реабилитации и поддерживающей медицине...

— А я могу увидеть брата? — спрашиваю робко, потому что все их слова для меня не более чем белый шум, пока я не вижу Андрея.

— Конечно. Пройдемте в палату.

Нас ведут по широкому светлому коридору, от пола до потолка залитому мягким солнечным светом из больших окон. Я ловлю себя на мысли, что каждый шаг приближает меня к брату и одновременно — к панике.

Потому что я четко осознаю, что Покровский шагает рядом, уверенно и неизбежно, но ему нельзя заходить со мной к Андрею. Брат не должен знать, что мой бывший имеет какое-то — самое прямое — отношение к его переводу. А, увидев нас вместе, он именно это и подумает. Что еще в этом мире могло заставить меня вновь связаться с ним?..

В любом случае у Андрея будет слишком много вопросов ко мне, а у меня... у меня нет на них ответов. Но если их не дать, Андрей может и отказаться от лечения, если допустит, что, что сестра «продалась» бывшему мужу.

А я продана?..

Щеки обжигает жар, а сердце гулко бьется в горле и ушах, ладони становятся влажными.

У двери в палату я останавливаюсь. Поворачиваюсь к Покровскому.

— Ты, — прошу тихо, все еще будучи не в силах назвать

его по имени, — не ходи со мной. Пожалуйста.

Его глаза впиваются в мои, сверлят меня насквозь.

— Почему? — спрашивает после очень долгой, бесконечной паузы.

Судорожно сглотнув, я облизываю разом пересохшие губы и отвожу взгляд.

— Андрей не должен знать, что ты... — начинаю сбивчиво, торопливо, стараясь не выдать себя, не дать голосу дрогнуть из-за страхов, что рвутся наружу, и осекаюсь. — Не сейчас.

Покровский вновь молчит пару секунд, потом коротко кивает, уступая моей просьбе.

Я тут же цепляюсь за дверную ручку и почти бегом скрываюсь за дверь.

И только тогда выдыхаю.

Глава 10

— Владка! — радостный голос Андрея резко обрывает шум в моей голове.

Он приподнимается на локтях навстречу мне, и улыбается так широко, что у меня на секунду перехватывает дыхание. Мы не виделись всего один день, но братик выглядит совсем не так, как вчера. Как будто скинул пару килограммов груза, который давил на него все время со дня аварии и нескольких операций.

Сейчас и спина кажется прямее, и глаза блестят, и... Боже, у него даже румянец появился! И улыбка не натянутая и вымученная, за которой он прятал боль и страх, а настоящая. Живая. Такая... Андрюшкинская, по которой я скучала.

— Привет, супермен, — счастливо улыбаюсь в ответ и, подойдя ближе, крепко его обнимаю.

— Ты отстала от жизни, сестренка. Этот уровень я уже прошел, теперь зови меня Железным человеком — металлических штук во мне сейчас точно не меньше, — привычно отшучивается он, когда я отстраняюсь, но меня его черный юмор не смешит.

— Как тебе на новом месте? — быстро меняю тему. — Нормально?

— Тут круто, Влад. Врач уже приходил и... Я точно могу остаться здесь? Это не шутка? — сразу серьезнеет и он.

— Правда, — киваю. — Здесь тебе помогут. Я уверена в этом. И Кирилл Анатольевич тоже так считает.

— Влад, но как ты... — пытается Андрей задать вопрос, которого я так боялась, поэтому торопливо перебиваю, мягко сжимая его ладонь:

— Не сейчас, Андрюш. Давай сначала начнем лечение, а потом уже будем разговаривать. Ладно?

— Но... — он хочет возразить, но я кладу руку ему на плечо.

— Вот он, твой шанс снова встать на ноги. Сосредоточься на нем, хорошо? И ни о чем не думай.

Он еще пару секунд изучает меня, будто пытается прочесть между строк, но в итоге, вздохнув, кивает.

— Ладно. Только ты приходи почаще.

— Обещаю, — улыбаюсь, наклоняясь, чтобы снова его обнять — не смотреть ему в глаза проще.

Его руки обхватывают меня крепко, по-мужски, и я чувствую — в эту минуту он действительно верит, что все будет хорошо. И ради этого момента... я готова выдержать все остальное.

Я все сделала правильно. Чего бы мне это ни стоило.

И только садясь в машину Покровского, я вновь испытываю этот тремор сомнения — а выдержу ли я?.. Что если прямо сейчас он отвезет меня к себе. В нашу старую квартиру... Что я буду делать? Как себя вести? Как справлюсь со всем — с его присутствием, с наплывом воспоминаний, хороших

и не очень, и со своей новой ролью?..

Но знаю одно — я уже не смогу отступить. Не смогу отказать от его помощи, а значит, и от сделки, которую заключила с ним.

И хоть я места себе не нахожу, я не осмеливаюсь спрашивать Романа ни о чем — ни о его планах, ни о том, куда мы едем. И он тоже молчит. С тех пор, как я вышла от Андрея, мы не сказали друг другу и пары фраз. Тишину салона нарушает лишь тихий аккомпанемент радио, но на этот раз атмосфера не кажется такой угнетающей и тяжелой. И когда машина тормозит у моего подъезда, я испытываю невероятное облегчение от того, как заканчивается этот день.

— Надеюсь, ты удовлетворена, — говорит Роман, повернувшись ко мне вполоборота.

Мне не нужно спрашивать, что он имеет ввиду. В этом «удовлетворена» скрыто много смысла. В частности того, что требует ответных действий с моей стороны.

— Я... Да. Клиника больше похожа на курорт. Андрей выглядит бодрым и воодушевленным. И врач мне понравился, — отвечаю я.

Он кивает, видимо, соглашаясь со мной по всем пунктам. Выжидающе смотрит, будто ждёт, что я скажу еще что-то, но я молчу. Лишь чувствую, как предательски наполняются влагой глаза и щекочет в носу.

— Я хочу, чтобы ты собрала свои вещи завтра к обеду, — произносит Покровский твердо, не идя на поводу у моей

слабости. — С утра я буду занят. В час приеду, чтобы забрать тебя.

Так просто. Для него все так чертовски просто.

— У меня есть условия, — произношу тихо, благодаря бога за то, что мой голос не дрожит.

— Условия? — Покровский демонстративно приподнимает бровь. — Не поздновато ли для условий, Влада? Их нужно было озвучивать вчера до того, как я начал выполнять свою часть сделки.

Игнорируя эту иронию, я прямо встречаю его взгляд.

— Я не хочу иметь ничего общего с твоими родителями. Особенно, с твоим отцом.

— Они — часть моей жизни.

— Но не моей, — говорю упрямо.

Роман задумчиво потирает пальцами подбородок, явно анализируя мою просьбу в голове.

— Я не могу обещать тебе того, что ты с ними никогда не встретишься. В конце концов, порой мы посещаем одни и те же мероприятия, — произносит наконец. — Но я тебя услышал. Наносить семейные визиты тебя никто заставлять не будет.

Я киваю, ободренная этой крошечной уступкой с его стороны. Но понимаю, что это лишь легкая часть моего пути.

— Еще... Есть еще кое-что... Насчет детей, — выдыхаю я.

— И что же насчет них? — Покровский едва заметно поджимает губы.

— Не в ближайший год. Мне нужно время. Я... Я настаиваю, чтобы мы предохранялись на протяжении года.

Роман выдерживает паузу, потом откидывается на спинку сидения и, не глядя на меня, произносит:

— Что-то еще?

— Нет. Больше ничего, — отвечаю тихо, хотя, конечно, я бы хотела больше. Например, год раздельных постелей. Год до того, как я вновь стану его женой. Но, зная Покровского, наивно надеяться, что он пойдёт это. Чудо уже то, что он дал согласие не навязывать мне общество своих родителей. Если согласится подождать и с воспроизведением потомства, это будет огромной уступкой с его стороны. А уступки — это не то, к чему он привык.

— Хорошо.

Хорошо?

По ощущениям у меня с плеч сваливается огромная бетонная плита.

— Ты согласен подождать? — шепчу недоверчиво.

— Я же сказал, Влада, — он раздраженно вздыхает.

— С-Спасибо.

— Не надо благодарить меня... за это, — отвечает грубовато, и я впервые вижу в нем проблеск каких-то настоящих эмоций. Может быть спустя столько лет тема детей для него тоже остаётся болезненной. Ведь несмотря на всю ту чушь, что я нагородила в день, когда потеряла ребенка, и в которую он поверил, он много месяцев жил с мыслью, что у него

будет сын.

Возможно...

— Завтра в час, Влада, — произносит Покровский резко, словно злится сам на себя за то, что дал слабину. — Не заставляй меня ждать. Мы с тобой заключили соглашение. И несмотря на некоторые оговорки, все остальное я получу сполна.

Я вздрагиваю от его тона и, не прощаясь, выскакиваю из машины, громко хлопая дверью. Мысленно ругая его, но еще сильнее — себя за то, что нафантазировала, будто у него могут быть какие-то чувства. Роман сам сказал, что между нами лишь соглашение. Сделка. Просто по какой-то одному ему ведомой причине, он согласился уступить мне по двум пунктам. Только это не отменяет всего остального. И, я в этом уверена, всем «остальным» он с лихвой компенсирует все то, что я выторговала у него для себя этим вечером.

Глава 11

Минутная стрелка круглых кухонных часов неумолимо движется к вершине циферблата, а часовая почти касается единицы — вот-вот наступит час икс. В моей голове сам собой включился обратный отсчет до звонка Покровского.

Пальцы судорожно сжимают телефон, в который я смотрю, чтобы отвлечься, но сосредоточиться на новостной ленте не получается — я лишь отрешенно перелистываю посты, не вчитываясь в них.

Чемодан давно стоит у порога, аккуратный, застегнутый, словно готовый отправиться в путь и без меня. Я собрала его еще ночью — никак не получалось заснуть. Я ворочалась, гнала от себя мрачные мысли, и в конце концов сдалась — встала и начала перебирать и паковать вещи и документы. Так я «развлекалась» почти до рассвета, убеждая себя, что это лучше, чем слепо таращиться в потолок. Но на самом деле просто не хотела оставаться наедине со своими страхами.

Но они все равно догнали меня и облепили, как липкая паутина. Теперь, когда я просто не в состоянии сопротивляться. Когда глаза жжет от недосыпа, тело налилось вялостью и тяжестью, а внутри дрожь, которую невозможно унять. И уровень нервозности зашкаливает.

Я одновременно и боюсь наступления назначенного Покровским часа, и жажду, чтобы он поскорее наступил, пото-

му что ожидание — самая мучительная пытка. В нём нет ни ясности, ни конца. Я не знаю, что будет, когда бывший объявится, но знаю одно: шагнуть в пропасть легче, чем стоять на краю и изводить себя фантазиями о том, что ждет меня на ее дне.

Телефон оживает в моих ладонях, и на экране высвечивается имя, которое я вновь внесла в список контактов. Имя, которое я мысленно гнала и при этом вызывала всеми силами.

Роман.

Грудь сжимает так, что я могу сделать лишь короткий, рванный вдох. Смотрю на экран еще секунду, будто она может что-то изменить, но потом провожу пальцем по стеклу, отвечая.

— Да.

— Спускайся, — командует он тоном человека, который знает, что ему не откажут.

Сразу после слышатся гудки, и звонок обрывается. Выкатив чемодан из квартиры, я запираю дверь на два замка — и я, и Андрей вряд ли скоро сюда вернемся.

Покровский встречает меня у машины и забирает чемодан, чтобы убрать его в багажник, пока я сажусь на пассажирское сидение.

— Пристегнись, — велит безапелляционным тоном через считанные мгновения, и я послушно щелкаю ремнем.

Мы едем дольше, чем я ожидала.

Когда машина останавливается на перекрестке с улицей, на которой стоит наш старый дом, я тоже замираю. Заранее сжимаюсь, предвкушая, сколько всего нахлынет на меня, когда я переступлю порог той квартиры, где была так счастлива, где была совсем другой — наивной, мечтательной и влюбленной. Кажется, это было в другой жизни...

Но, вопреки ожиданию, Роман не включает поворотник, а, когда загорается зеленый, проезжает прямо. Машина минует центр и неуклонно тянется к выезду из города. Я сажусь ровнее и напряженно наблюдаю в боковое окно: панельные дома редеют, дорога становится свободнее. Сердце сбивается с ритма — куда он меня везет?!

Нервно кусая внутреннюю сторону щеки, бросаю взгляд на навигатор, но экран погашен. Ну, конечно...

Сосны вырастают стеной, солнце, путаясь в кронах, распадается на зеленые блики, ровные поля уступают место загородным участкам с одинаковыми заборами и аккуратными газонами. А еще через несколько минут BMW плавно замедляется и останавливается у высоких ворот с камерой. Секунда — и они ползут в разные стороны, открываясь перед нами.

Роман медленно въезжает в ворота и катится по дорожке сквозь небольшой ухоженный сад, а потом останавливается на лужайке перед домом из светлого камня с темной крышей.

Я смотрю на него широко открытыми от изумления глазами:

— Это что?..

— Это дом, — следует ответ. — Мой. Теперь наш.

«Наш?» — почти срывается с языка, но я вовремя прикусываю его, слишком ясно представляя, каким будет его ответ.

И хотя я испытываю облегчение от того, что он не привез меня в нашу старую квартиру, с которой связано столько болезненных воспоминаний, к огромному дому я тоже не была готова... Впрочем, разве хоть к чему-то из *этого* я была готова?

Обойдя машину, Роман открывает мою дверь. Я убеждаю себя, что это не забота и не галантность, просто он раздражен тем, что я медлю.

Крышка багажника взлетает, и, достав мой чемодан, бывший муж бросает короткое:

— Идем.

Внутри дома прохладно, просторно и поразительно тихо. Колеса чемодана характерно шуршат по гладкому полу, на котором я боюсь поскользнуться. Дойдя до лестницы в центре холла, Покровский легко отрывает чемодан от пола и поднимается с ним наверх. Я следую за ним, и у меня чуть кружится голова — от всего сразу. Пытаясь справиться с этой легкой «турбулентностью», я отвлекаюсь и не замечаю, как оказываюсь у распахнутой двери в огромную спальню.

В меня ударяет порыв ветра, ворвавшийся внутрь с балкона и всколыхнувший тонкие тюлевые шторы.

— Это твоя комната, — все так же немногословен По-

кровский.

«Только моя?» — снова готово сорваться с губ, но я и этот вопрос проглатываю, не уверенная, что его ответ мне понравится. Если он, вообще, захочет его дать.

Сглотнув волнение, прохожу по мягкому ковру, стараясь не смотреть на широкую кровать с кожаным изголовьем — ее размеры косвенно отвечают на мой незаданный вопрос, — а, заглянув в сияющую чистотой и зеркалами ванную и в гардеробную, убеждаюсь окончательно — он не выделил мне отдельной спальни, он поселил меня в свою...

подавив тяжелый вздох — я сама на это согласилась, — возвращаюсь в комнату. Роман так и стоит в дверях.

— Мне нужно уехать на встречу, — сообщает сухо, встретившись со мной взглядом. — Меня не будет до вечера. Ты пока располагайся, осмотри дом. Если хочешь.

Если хочу — мнимая возможность выбора. Но я не позволяю себе зависнуть на этой невеселой мысли. Вместо этого спрашиваю:

— А в доме еще кто-нибудь есть?

— А тебе нужен кто-то? — задает он встречный вопрос.

— Нет, но...

— Нет, — отвечает, прервав мои мучения. — Больше никого. Только мы с тобой.

Я не знаю, радоваться этому или огорчаться. С одной стороны, меньше людей, меньше объяснений, с другой — перспектива оставаться с ним один на один в большом доме пус-

гает.

— Понятно. — Я киваю, не доверяя голосу.

Покровский задерживается на мне взглядом, потом бегло смотрит на дорогие часы на запястье и, не сказав ни слова, выходит. Его удаляющиеся шаги тонут в тишине, а мне хочется вдруг побежать за ним, окликнуть...

Зачем? Чтобы задержать? Чтобы отсрочить момент, когда я останусь одна в чужом доме? Чтобы спросить, почему он все это делает?

Я не иду за ним. Конечно, не иду. Но подхожу к двери на балкон и, прячась за колышущийся на ветру тюль, чтобы остаться незамеченной, провожаю взглядом черный силуэт BMW, пока он не исчезает из поля зрения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.